

Читайте в серии
«Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой»:

Мама мыла раму

Счастливо оставаться!

Дай на прощанье обещанье

Ох уж эта Люся

Бери и помни

Да. Нет. Не знаю

Не девушка, а крем-брюле

Три женщины
одного мужчины

Татьяна БУЛАТОВА

*Бери
и помни*

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Булатова, Татьяна.

Б90   **Бери и помни / Татьяна Булатова.** — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Дочки-
матери. Проза Татьяны Булатовой).

ISBN 978-5-04-182815-8

Дуся Ваховская была рождена для того, чтобы стать
самой верной на свете женой и самой заботливой матерью.

Но — увы! — в стране, где на девять девчонок, по ста-
тистике, восемь ребят, каждая девятая женщина остается
одинокой. Дуся как раз была из тех, кому не повезло.

Но был у Дуся редкий дар — умение отдавать.

Семейство Селеверовых, к которым Дуся прикипела
своей детской, наивной душой, все время указывало ей на
ее место: «Каждый сверчок знай свой шесток».

Они думали, что живут со сверчком, а на самом деле
рядом с ними жил человек, с которым никто не сравнится.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Федорова Т. Н., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-04-182815-8

Все совпадения в романе случайны. События и персонажи являются вымыслом автора

Римка Некрасова жила в *бараке*. А Дуся — в однокомнатной *квартире* нового трехэтажного дома, построенного для итээров завода без имени, зато за номером, который уже стерся из памяти, равно как и сам завод, закрытый из-за отсутствия производственной необходимости в девяностые годы.

Когда-то это был совершенно особый дом, уважительно называемый заводскими аборигенами «итээровской сталинкой». Отсюда, с улицы Ленинградской, взяла начало обреченная на медленное вымирание будущая интеллигенция Нижней Террасы — самого захудалого краснопролетарского района провинциального города Ульска.

В «доме образцового порядка», как сообщала прикрученная к дверям первого подъезда табличка, жили итээры завода и их семьи. Дуся к итээрам никакого отношения не имела. Можно сказать, квартиру в знаменитой «сталинке» она занимала по недоразумению.

Просто накануне очередной годовщины Победы в Ульск приехал Брежнев и выступил перед рабочими знаменитого на всю страну

оборонного предприятия. Дуся, как передовик вредного производства, была делегирована на встречу с главой государства и стояла в цеху, зажатая со всех сторон лучшими из лучших представителей рабочего племени.

— Кто это? — поинтересовался Брежнев, обратив внимание на гренадерский рост женщины.

— Шас узнаем! — пообещало руководство завода и, опережая события, под руки вывело на сцену ни о чем не подозревавшую Дусю.

— Хороша! — отметил генеральный секретарь и от переизбытка чувств неожиданно обнял работницу.

Администрация завода сочла это знаком и решила разбавить отряд итээров представителем иного сословия. Так Дусе выделили квартиру. И по заводу поползли слухи... В чем только ее не подозревали! Даже в порочащих связях с начальником отдела кадров. Между прочим, совершенно напрасно: Дуся была девицей.

Биография Римки Некрасовой была незатейлива и банальна: третий ребенок, единственная девочка в семье заводских пролетариев четвертого поколения с момента отмены крепостного права.

У Дуси не было ни сестер, ни братьев. Происходила она из ульских мещан.

Римкин батя гордился своей фамилией и, бывало, в кругу товарищей заявлял:

— Из Некрасовых мы...

— Из каких это из Некрасовых? — интересовались собутыльники.

— Из тех... — многозначительно отвечал пролетарий и цитировал:

Гляжу...

забирается медленно в гору

Лошадка... а с нею — папан и возок...

Отец Дуси, скромный бухгалтер райфо, на вопрос анкеты «Каким иностранным языком владеете?» отвечал «Не владею», а еще чаще ставил жирный прочерк напротив пунктов, характеризующих гражданскую состоятельность анкетируемого: «не владею», «не имею», «не претендую», «не был», «не являлся», «нет», «нет», «нет».

Погиб Степан Игнатьевич Некрасов под колесами поезда, неожиданно налетевшего на него в самое неурочное время: по пути из бани домой. Завидев надвигающийся паровоз, пролетарий Некрасов обиделся и решил встретить врага лицом, чтоб неповадно было. В результате машиниста осудили (срок точно неизвестен), а обезображенное тело работника Некрасова доставили в морг. Похороны сыграли по-семейному, то есть всем бараком. Последний блин с медом достался участковому, а четверо детей — вдове покойника, плохо

соображавшей по причине хронического опьянения.

Дусин папа ушел из жизни незаметно. Тихо. Не отходя от рабочего места, повалившись на бок с таблеткой нитроглицерина под языком. Сердоболезные сотрудницы вызвали «Скорую» и позвонили дочери сослуживца, предварительно кинув жребий. Сообщить скорбную весть выпало самой молодой сотруднице финансового отдела Зиночке. От перенапряжения она заплакала, пошла красными пятнами и прорыдала в трубку:

— Зна-а-аете-е-е... Это я-а-а-а.

На ответное недоумение уточнила:

— Зи-и-иночка.

— Кого надо? — проорала трубка сварливым старушечьим голосом.

— А Ваховские здесь живу-у-ут? — рыдая, поинтересовалась сотрудница.

— Дуньки нету дома, — отрезала трубка. — А сам-от на работе...

Последняя фраза «А сам-от на работе» в сознании Зиночки остановила вращение земного шара, и мир полетел в тартарары окончательно и бесповоротно.

— Дай-ка мне, — раздраженно скомандовала самая старшая сотрудница финансового отдела Клавдия Михайловна и взяла инициативу в свои руки:

— С прискорбием сообщаю...

На том конце провода появился искренний интерес к собеседнику:

— Ба-а-а-а! Чо ли, помер сам-от?

— Помер... — сменила интонацию Клавдия Михайловна, отказавшись от протокола. — Сердце...

— Ба-а-а-а! — снова изумилась трубка и пообещала передать информацию дочери: — Чай скажу, чо мы, не люди, чо ли...

Схоронили-помянули-забыли.

И только Дуся на каждую родительскую лезла на Майскую гору, прибирала и без того ухоженную могилку и буднично сообщала:

— Вот и я, пап. Замуж не вышла.

Через год число посещений кладбищенского приюта сократилось до разумного, но приветствие осталось почти таким же:

— Какой уж там замуж! Нет, папа.

Еще через год молча крошила пасхальное яичко и втыкала восковую ромашку рядом с голубой пирамидкой.

Когда Дусе исполнилось сорок три, позвали замуж. Имя и фамилия жениха стерлись из памяти быстрее, чем высохла земля после летнего ливня. Товарки по цеху кандидата в мужья подняли на смех из-за маленького роста: «В одном гробу можно хоронить. Как раз у тебя в ногах поместится!»

Дома Дуся с огромной печалью рассматривала в большом зеркале свои ноги. Не ноги, а высоковольтные столбы. Размер обуви — сорок два. Ни одни приличные туфли не достать. Что ж, на свадьбу в ботинках топать? И потом,

смущала профессия жениха: дамский портной. «Это что же значит, — размышляла про себя Дуся. — Каждый день голых женщин обмеряет?» — «Да почему это голых-то?» — робко, шепотом подсказывал здравый смысл. «А каких же?!» — с уверенностью отмахивалась от него Дуся и ложилась в свою одинокую никелированную кровать с панцирной сеткой. Кровать привычно принимала большое хозяйское тело, приветствуя его жалобным скрипом.

У Римки, к слову, кровати отродясь не было. Спали вповалку на сбитом покойным Некрасовым настиле, друг на друге: взрослые — с краю, мелкотня — в серединке. Римка ненавидела этот коллективный сон, ненавидела сестер и братьев вместе с вечно поддатой матерью и приходившими к ней гостями. «А чо я?» — мычала глава осиротевшего семейства и натягивала на опухшую рожу засаленное одеяло. «Прав ее лишить!» — бунтовала трезвая половина барака и строчила жалобы участковому. До них ли было блюстителю порядка? На то он и барак, чтоб за чужими детьми присматривать. «В этом — сила коллектива!» — цитировал участковый неизвестно где подсмотренный или услышанный лозунг и щегольским жестом натягивал фуражку прямо на нос.

Дуся жениху отказала: какой от него прок? Квартира своя, жизнь налажена. Только людей смешить. А родить? А чего родить-то? Поздно